

Капля, разогретая жаром тела, медленно стекала по лицу, начиная свой путь из копны густых, мокрых насквозь волос. Преодолела холм бровной дуги, впадину уголка глаза, прокатилась по щеке, мимо горного хребта - носа и попала в водоворот губ. Тут она прекратила свое маленькое путешествие, будучи слизнутой языком. Слабый раствор кислоты распределился по языку, был проглочен вместе со слюной, прокатился в низ по пищеводу и ухнул в мешок с соляной кислотой.

Человек посмотрел на небо, в густоту серых облаков. Прямо над его головой серые облака переходили в черные, а редкие вспышки молний то и дело освещали мрачную округу. Человек думал, думал о грязи, о том, что сейчас капает на его голову и тело. Все эти облака, грязные, кислотные облака. Почему они становятся все грязнее?

Большой промышленный город, много заводов, закрытых зон. Что-то завозят большие грузовики, под окнами старых покосившихся домов - пыльные дороги. Трубы, которые видно отовсюду, возвышающиеся над домишками и низкими серыми деревьями. Этот город полон серых красок в своем многообразии.

Человеческий глаз может различить не все, но многие оттенки. Цвет будто покинул это место, в которое не заглядывает солнце. Город вечных дождей, вечной сырости и грязи.

Человек закашлялся. Мокрый кашель, капли воды на ладони. В легких каждого жителя - вода. Он знал, что его время на исходе. Здесь не живут долго. Он вновь поднял взгляд на густоту серых облаков в небе. Дождь, мелкий, но постоянный и раздражающий, закапал в глаза, заставляя его смаргивать влагу.

В городе есть особая категория людей. Она часто меняет состав, как количественный, так и качественный. Эти люди - освобожденные от работы умирающие. Они получают пенсию, они, пусть и молоды, могут не работать. Почему? Они одной ногой в могиле. В этом городе, где дождь идет круглыми сутками, люди умирают рано. Их жизнь короче в три раза чем у жителей других мест. Тех, в которых бывает солнце.

За всю свою жизнь, человек никогда не видел других мест. Он родился, вырос в этом городе. Здесь он и умрет. Он знал это.

Сколько себя помнил, он задумывался о городе. В своих мыслях он нередко представлял его живым, мыслящим существом. Оно губит паразитов, пожирающих его плоть, разрывающих его шкуру, строящих корку из камня на его теле. Может быть и так. В этом мире, в Сером городе, сложно понять что реально, а что вымысел.

Пластиковая бутылка проскользила по воде мимо него. Человек лениво проследил за ее маршрутом. Переведя взгляд на начало ее пути, он заметил другого человека. Он сидел на ограждении и так же следил за бутылкой, с ничего не выражающим лицом. Человек посмотрел в глаза и спросил:

- Не надоело ли это? Никогда не думал закончить со всем этим раньше собственной кончины?

Я имею ввиду это. Понимаешь? Это.

Человек поднял руку и приставил два пальца к виску. Он улыбался, говоря все это, его тон был насмешливый, однако со стружкой серьезности в голосе.

Человек отрицательно покачал головой. А потом, немного подумав, утвердительно кивнул. Он думал об этом, да. С течением времени он думал все чаще и чаще. О самоубийстве.

Сидящий улыбнулся еще шире. В его замысленных глазах блеснули искорки вялого озорства. Он не ловко, с громким плеском и брызгами, прыгнул с ограждения, по щиколотку встав в мутную грязную воду.

- Знаешь, - проникновенно сказал он, - я тоже думал. Какого это будет - не существовать. Каким способом это сделать. Это даже можно назвать площадкой для творчества! - он прекратил пинать поверхность воды. Развернувшись ко мне лицом он, вздохнув, продолжил:

- У меня есть знакомые "третьей категории". Они ближе к смерти чем я. У меня холодеет кровь в жилах когда я слышу их рассказы о тех ощущениях, когда они умирают. Медленно они теряют зрение, вкусовые ощущения, обоняние. Прикосновения - как сквозь сантиметры одежды. И вечный холод.

Его тон стал серьезен. Не было того озорства, той улыбки. Было чувство, что под маской безопасности он скрывал страх. Я знаю что это такое.

Он снова поднял на меня тяжелый взгляд. Его черты лица были острыми. Гусиная кожа, полная мелких морщин. Зеленоватые губы моего собеседника подергивались. Да, ему не долго осталось. Он уже теряет контроль над мышцами.

Его серые глаза будто смотрели в самую мою суть. Он знал, что я чувствую. Что я согласен с ним всем сердцем, что я тоже начинаю терять себя.

- Молчаливый ты. Или голосовые связки уже отказали?

Я лишь печально улыбнулся, не размыкая губ.

- Что ж, все мы гнием по разному.

Он ушел. Я не знал его имени, да и не мог спросить. И не хотел. Не оборачиваясь, он махнул серой, пятнистой тонкой рукой на прощание. Я снова улыбнулся. Даже если я могу поднять только уголок рта, это была улыбка.

Я тоже пошел. Думаю, мы никогда больше не встретимся.

Мусор, уносимый стремительным потоком воды, мягко ударялся о мои ноги, а шаги образовывали маленькие водовороты, поднимая черный осадок со дна. Я вновь закашлялся. Слюна, вперемишку с водой, вылетая изо рта, мочили мои губы и подбородок.

Когда ты наедине с собой, тебя так и тянет рассуждать, думать о всяком. Со временем эти мысли становятся все мрачнее. Взгляд твердеет и глаза в двадцать лет становятся как у мудрого старца.

Я давно смирился с будущим. С тем, что его у меня нет. Процесс невозможно обратить вспять или хотя бы остановить. Но многие старались. Ученые, медики. Рано или поздно они уезжали из Серого города, не желая портить свое здоровье. Так и не разгадав загадку.

Надо ли прекращать думать о конце? Быть оптимистом хотя бы в конце своей жизни? Как герои трагических фильмов - отрываться напоследок?

Не знаю. Нет, правда. Я не могу радоваться чему либо. Даже если что-то пробирает на смех, я не могу. Я сразу вспоминаю о своей судьбе. Пессимист или реалист? Не важно. Важно лишь то, что в конце.

Может ли быть, что я жду своей смерти? Что я желаю конца? Со временем я все чаще думаю об этом. Сероглазый был прав. Легче так.

Ученые говорят что перед смертью становится тепло. Долгое, но одновременно короткое время холода, проникающего глубоко в кости, кончается, становясь теплом и уютом. Пленка слизи на легких не мешает дышать, воздух становится свежим и чистым, без капли лишней влаги. Но стоит ли терпеть так долго, так тяжело, ради мгновения облегчения? Легче умереть, пока холод лишь щипет кончики пальцев, а озноб пробирает только при дуновении слабого ветерка.

Говоря об ознобе, сразу вспоминается сказка, которую мне читала медсестра из клиники наблюдения. Мне тогда было года три? Сказка про злого колдуна Ветер, что своим касанием к человеку высасывал его жизненную силу. Вот только в Сером городе нет рыцаря, что победит Ветер, никто не будет жить "долго и счастливо".

Я перепрыгнул через канистру из-под чего-то серого, насколько я мог судить по жидкости, вытекающей и смешивающийся с мутной зелено-коричневой водой, и продолжил свой путь. Куда я иду? Не знаю. Гуляю, наверное.

Эта серая жидкость. Действительно ли она серая? Или может мои глаза более не различают многих цветов? Она могла быть красной, давно я не видел чего по-настоящему красного. Если я прав, то сколько времени мне осталось?

Ледяной ветер заставил меня передернуть плечами. Правдива ли была эта сказка? Ветер, проникающий сквозь одежды и толстые стены домов, срывающий дорожные знаки, крадет отведенное время у людей?

Я осмотрелся. Не заметил как пришел сюда. Мрачное, темное место, с атмосферой, заставляющей задержать дыхание. Кладбище. Очередное водное кладбище.

Я видел как выглядели кладбища в обычных городах, но, они не похожи на могильники Серого города. Небольшие капсулы из материала, не пропускающего воду. Не больше двух моих кулаков. В них - пепел. Пепел и кость на выбор. Кто оставляет палец, кто - ребро. Некоторые - суставы кисти. Зачем? Не знаю. Наверное, традиция пошла с первых поселений в этом недобром месте.

Я понял почему я пришел сюда. Я нашел ту самую "могилу", место захоронения моего друга. Он умер когда-то давно. С выходом на пенсию, с получением статуса "третьей категории", я не следил за временем, не считал годовщин смертей или дней рождения.

Он был хорошим человеком. Всегда улыбался, даже если это приносило ему боль. Я только один раз видел его без улыбки. За день до его смерти. Он, с преисполненным болью лицом рассказал о том, что меня ждет. Медленное отключение чувств, но вечный холод. Как призрак слоняешься по городу, пока можешь ходить. Говоришь с людьми пока можешь говорить. Потому что оставаться наедине с собой не возможно. Тяжелые мысли гложат еще живое сознание в умирающем теле. Все прогнившие органы чувств вопят о холоде. Холоден воздух, вдыхаемый в заполненные водой легкие. Холодны прикосновения, холодна еда и жидкости. Зрение - как черно-белый фильтр.

Я не хочу. Не хочу испытывать это на себе. Я...

Умру

. ---О---

Быстрые потоки воды гоняли сверток тряпок по дворам домов. Иногда он застревал на мелководье, пока не был унесен чем-то более тяжелым или уровень воды не повышался от затора системы водоотвода.

Тяжелый мешок тряпок перевернулся в небольшом водовороте, подняв бледное, в бледных сине-зеленых пятнах, покрытое мелкими морщинками на гусиной коже, лицо.

Бледные, подернутые пленкой смерти, голубые глаза были широко распахнуты, а на губах застыла улыбка одним лишь уголком рта...

<http://tl.rulate.ru/book/15039/296373>